

«Визуальный дневник»: как фотоданные репрезентируют контекст полевого исследования¹

DOI: 10.19181/inter.2020.21.6

Ссылка для цитирования:

Полухина Е. В., Стрельникова А. В., Ваньке А. В. «Визуальный дневник»: как фотоданные репрезентируют контекст полевого исследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 96–117. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>.

For citation:

Polukhina E. V., Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2020) Visual Diary: How Photos Represent the Context of Field Research. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 1. P. 96–117. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>.

Елизавета Полухина*, Анна Стрельникова**, Александрина Ваньке***

В данной статье авторы обозначают возможности использования фотографических материалов в полевом исследовании. Статья основывается на визуальных данных, полученных в ходе нескольких авторских исследовательских проектов 2017–2019 годов, нацеленных на изучение трансформации заводских территорий г. Москвы и повседневности индустриальных рабочих г. Екатеринбурга. Авторами показана как аналитическая значимость визуальных материалов, так и их дидактический потенциал. Демонстрируется, как практика фотографирования органично встраивается в классические этапы полевой работы: доступ в поле, сбор данных, анализ и презентация результатов. Одновременно с этим фотографии становятся

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности» при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-33-01006).

* Полухина Елизавета — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», epolukhina@hse.ru.

** Стрельникова Анна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, astrelnikova@hse.ru.

*** Ваньке Александрина — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; докторант Школы социальных наук, Манчестерский университет, a.vanke@postgrad.manchester.ac.uk.

незаменимым источником данных об изучаемой повседневности горожан — материальной культуре, пространственных практиках, эмоциях, идентичностях. Авторы показывают процесс полевого исследования, рассказывают историю проектов языком фотографий и демонстрируют жанр эмпирического материала — визуальный дневник.

Ключевые слова: фотоданные; фотонарратив; практика фотографирования; полевое исследование; визуальные данные; этнографическое интервью; наблюдение; этнографическое кейс-стади; визуальная социология; визуальный дневник

Фотографирование как исследовательская практика

Казалось, совсем недавно в отечественной исследовательской рефлексии появились работы, посвященные визуальной социологии. Так, в 2007 г. на страницах журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация» появилась рубрика «визуальная социология» вместе с одной из первых русскоязычных подборок статей, посвященных этой тематике (см., например, Запорожец, 2007). Одновременно с этим вышла в свет ключевая переводная работа П. Штомпки, где обозначается место фотографии в социологической науке, ее познавательные функции: стимулирование внимания и воображения, зрелищная инспирация / убедительность / основа для развития гипотез, регистрация и документирование социальных фактов (Штомпка, 2007: 72–75). В этой работе сформулированы предмет визуального изучения в многообразных контекстах и аспекты, которые становятся фокусом фотографий, — индивиды, действия, интеракции, коллектив, культура, техника, среда (там же: 44), обозначены способы анализа — герменевтический, семиотический, структурный, дискурсивный (там же: 77–100). В том же 2007 г. появилось издание о работе с визуальными данными в междисциплинарном контексте (Визуальная антропология..., 2007).

Сейчас визуальная социология основательно институализирована: действующая The International Visual Sociology Association (IVSA) регулярно собирает многочисленные конференции, международный журнал “Visual Studies” можно отнести к списку высокоцитируемых. Методологии сбора и анализа визуальных данных посвящено множество исследовательских изданий (Rose, 2001; Pink, 2005; Banks, 2007; Banks, 2018; Eberle, 2017). В 2020 г. планируется конференция об исследовательской фотографии в Финляндии “Images Among Us”².

Многообразие форматов визуального, их познавательная сила широко освещаются в отечественных публикациях (Рождественская, 2017; Харпер, 2013; Богданова, 2012; Печурина, 2011; Омельченко, Поляков, 2017;

² Сайт финской организации HelsinkiPhotomedia URL: <https://helsinkiphotomedia.aalto.fi/call-for-papers/> (дата обращения: 17.10.2019).

Стрельникова, Ваньке, 2017; Андреев и др., 2018), в ВУЗах читаются курсы по визуальной социологии. Благодаря развитию визуальной социологии открылись новые источники первичных данных для социокультурного анализа, а визуальные отчеты стали популярным способом изложения академических результатов (Сергеева, 2008: 145).

Отметим, что значение фотографии переосмысливается и в междисциплинарном контексте. К примеру, в 2019 году в Пушкинском музее в г. Москве отмечают 180 лет с появления фотографии. Приуроченный к этому юбилею цикл лекций «180 лет фотографии: от магии к модели видения» поднимает следующие междисциплинарные вопросы: как понять феномен фотографического и значимость его бытования? Фотография — это отпечаток, документ эпохи, технология, язык искусства, способ коммуникаций? Убила ли «цифра» фотографию или освободила ее от технологических ограничений?³

В наши дни социальных сетей и доминирования визуальной культуры фотографирование становится повсеместной рутинизированной практикой горожанина. Сейчас фото доступны для исследователя как источник данных, социальных фактов, смыслов, метафор, научных аргументов. Они могут быть представлены уже как собранные архивы визуальных данных. А как обстоят дела с практикой полевой работы, где фото генерируются совместно с информантами? Как эта практика встраивается в современную исследовательскую работу? Каким образом фотографирование изменяет полевую исследовательскую ситуацию? Как фотопрактика реконструирует отношения «информант — исследователь»? Что нам сообщают фотоданные о контексте исследования на каждой исследовательской стадии? Эти вопросы лежат в основе статьи.

Особенности сбора фотоданных в полевом проекте

Фотографии, представленные в статье, сделаны авторами (некоторые — коллегами авторов) в ходе нескольких совместных полевых проектов на тему индустриального прошлого заводских районов Москвы и Екатеринбурга (Ваньке, Полухина, 2018; Стрельникова, 2018; Strelnikova, 2018; Полухина, Ваньке, 2019). Мы считаем, что использование фотографий важно при описании контекста полевого исследования как в его методической, так и организационно-технической части. Поэтому фотографии поэтапно репрезентируют стадии полевых проектов — от доступа к полю до презентации результатов. Эти данные представляют собой своеобразный «визуальный дневник», показывая, как пошагово реализуется исследовательский проект, кто его участники, в каких условиях собирались данные⁴.

³ Программа лектория. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Сезон 2019–2020. г. Москва. 2019. URL: https://pushkinmuseum.art/visitors/excursions/adults/12035_lections2019-2020.pdf (дата обращения: 1.10.2019).

⁴ Отметим, что статья является своеобразным сопроводительным визуальным материалом к нашему методическому пособию «Как собрать данные в полевом [качественном] исследовании». В этой связи мы ограничиваемся уровнем иллюстрирования этапов сбора данных и рефлексией о них, не претендуя на детальный визуальный анализ.

Название «визуальный дневник» для подобного формата полевых материалов было выбрано нами интуитивно, в соответствии с содержанием этого дневника. Отметим, что подобным же образом, отталкиваясь от формата материалов и их роли в исследовании, расширяют свой словарь и коллеги из смежных дисциплин. Так, недавно вышла в свет аналитическая дискуссия исследователей-антропологов, которые рассуждают о том, какое место занимают разные виды данных (в том числе визуальные) при переходе от полевого этапа к тексту, и как фотографические практики исследователя соотносятся с его ролью в поле (Андреев и др., 2018). Также А. Н. Андреев и его коллеги предлагают различать *визуальные записи (заметки)* и *визуальный дневник*: первый вариант выступает в роли быстрого протоколирования происходящего, когда не удастся сделать обычную текстовую заметку, второй вариант — «средство и цель проведенного исследования», т.е. целенаправленно собираемые материалы, на базе которых будет сформирован исследовательский отчет (там же: 15–16). Однако, по нашему мнению, различия между двумя этими видами достаточно условны, а само понятие дневника включает в себя возможность любых записей и заметок, сделанных исследователем.

По опыту наших проектов можно сказать, что для полевой практики фотографирования желательно привлечение второго исследователя. Первый непосредственно проводит интервью, зрительно контактирует с информантом, а второй одновременно фотографирует, регистрирует детали и поддерживает коммуникацию (Полухина, 2017). Подобная практика тандемной полевой работы с визуальными данными не уникальна и является органичным полевым решением. Более того, практика подобной полевой работы уже описана по трудам знаменитой академической пары Маргарет Мид и Грегора Бейтсона (Jacknis, 1988). Однако в случае проведения индивидуального проекта или квалификационной работы возможности для совместного фоторегистрирования ограничены. При индивидуальном сборе данных исследователь в первую очередь фокусируется на фотодокументации пространств, социальных практик, визуальных репрезентаций и других наблюдаемых артефактов изучаемого сообщества.

Уточним, что в наших проектах присутствие на фото участников исследований было согласовано с ними (подписано информированное согласие). Мы предварительно оговаривали формат общения, возможности видео/фотосъемки и регистрировали эти договоренности в бланке согласия. Фотографирование иногда заставляло информантов испытывать дискомфорт, так как они не считали важным то, что их окружает⁵, а иногда испытывали стеснение. В некоторых случаях совместная фотография, наоборот, способствовала сближению исследователя и информанта.

Результаты фотографирования как исследовательской практики могут быть условно разделены на два вида: *вспомогательные фотографии* (такие

⁵ В работе (Андреев и др., 2018) приводится пример того, как исследователи фотографировали рабочего за его монотонным трудом, а он, заметив, что стал объектом фотосъемки, предложил сделать более «интересные» (по его мнению), снимки, отражающие более сложные работы.

фотографии дают ответ на вопрос: «как это выглядит?», см.: Андреев и др., 2018: 17) и *целевые фотографии*, которые фиксируют динамику развития происходящих событий в соответствии с основными задачами исследования. При этом фотографирование нередко применяется вместе с другими методами полевого исследования, и наши проекты не стали исключением. Это связано с тем, что при фотографировании «некоторая часть реальности была взята в рамки камеры» (Сергеева, 2008: 144), но при этом другая часть остается за ее пределами, уже недоступными тому, кто пытается интерпретировать ситуацию только при помощи демонстрируемого изображения. Именно эта особенность фотографирования была причиной того, что в течение длительного времени оно воспринималось как неакадемическая практика, пригодная преимущественно для иллюстраций, но не как исследовательский инструмент (там же: 138). Позднее стало складываться понимание, что полевой дневник (в том числе его визуальная часть) — это «не сырые данные, ожидающие изысканных аналитических процедур» (Андреев и др., 2018: 104), а документация многомерного полевого опыта, уже имеющая свою внутреннюю логику.

Опыт наших проектов показал, что фотографирование оказывается особенно важным при проведении наблюдений и биографических прогулок, фиксируя и структурируя происходящее вокруг. В ходе этнографического интервью фотографии могут запечатлеть меняющуюся ситуацию взаимодействия, помогая запомнить детали, а уже имеющиеся визуальные образы могут служить в качестве стимульных материалов для более подробного сфокусированного рассказа⁶.

Далее мы продемонстрируем некоторые фотографии из наших исследовательских архивов, которые позволяют понять контексты полевой работы — условия, эмоции, среду и пространства. Одна часть фотографий описывает наш опыт полевой работы в Екатеринбурге, где мы изучали повседневность индустриального рабочего района Уралмаш, вторая часть представляет наш полевой опыт в Москве, где мы изучали трансформацию территориальной идентичности районов Тушино и Автозаводский/Зил. Постараемся, с одной стороны, показать значимые фотографии проектных этапов, а с другой — продемонстрировать, что эксплицируют эти изображения и как их можно трактовать в контексте полевой работы.

Многослойный доступ в поле

Фото 1 репрезентирует наш первый визит на завод, который являлся одним из объектов нашего изучения. Снимок показывает, как выглядит возможная точка доступа в поле — вход в заводской отдел кадров. Она отражает положительный настрой исследователей, умеренную настойчивость, командность, важность пробовать разные способы доступа на изучаемой территории.

⁶ См. также рефлексию по поводу соотношения «рассказа и показа», происходящего в ходе интервью, в статье (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019).

Фото 1. Путь в отдел кадров завода. Екатеринбург, октябрь 2016 г. На фото: Павел Сушко, Александрина Ваньке и Елизавета Полухина.
Источник: фото А. Стрельниковой.

Фото 2. «Дверь закрыта, мы — в окно». Подъезд пятиэтажного дома, район Уралмаш, Екатеринбург, 2017 г.
Источник: фото Е. Полухиной.

После первых полевых переговоров мы поняли, что действовать «сверху» через администрацию завода затруднительно. И далее обратились к екатеринбургским коллегам — социологам и попросили через личные контакты помочь нам выйти на рабочих. Так мы получили первые контакты рабочих и договоренности на интервью (Полухина, 2017). В целом фотографию 2 можно назвать визуальной метафорой, иллюстрирующий наш способ

получения доступа. Она показывает, с одной стороны, как с помощью мебельной тумбочки «одомашнен» двор жилого дома советской постройки в изучаемом районе и как, в принципе, легко с помощью нее попасть в окно первого этажа. С другой стороны, изображение показывает, как нами был осуществлен доступ к рабочим: «дверь закрыта, мы — в окно».

Множественность ситуаций интервью: комбинирование домашних, районных и рабочих пространств

Фото 3. Дом рабочей завода, жительницы района Уралмаш. Она обозначает людей из своего ближнего окружения на карте контактов (проективная методика «круги общения»), 2017 г. *Источник:* фото Е. Полухиной.

Фотография 3 показывает, как старательно и последовательно участница выполняет задание исследователей (Стрельникова, Ваньке, 2017). Так же аккуратно расставлены предметы интерьера на ее столе, которые отражают ее возможные домашние практики — просмотр телевизора, чтение, разговоры по телефону, замеры температуры, обдувание театральным веером, фруктовый перекус и др. Фотография выполнена в доме с ковром и велюровой мебелью с цветочными узорами, что свойственно для классических интерьеров прошлого. А ракурс, с которого сделано фото, позволяет научиться делать изображения, не задействуя лица участника.

Фотография 4 иллюстрирует то, как выглядит ситуация интервью на заводе. Исследователь ведет запись на два диктофона, снизу расположен гайд интервью, изредка ведутся записи в блокнот. При этом исследователь разговаривает с участником, глядя ему в глаза. Рабочее место демонстрирует, с одной стороны, функциональность и брутальность (станки, розетки, железный вентилятор), а с другой стороны, «одомашненность» за счет утепленного вещами стула, столов с клеенкой в цветочек.

Фото 4. Александрина Ваньке проводит интервью с рабочим на заводе. Екатеринбург, май 2017 г.
Источник: фото Е. Полухиной.

Фото 5. Интервью с рабочим завода во дворе. Екатеринбург, май 2017 г.
Источник: фото Е. Полухиной.

Фотография 5 показывает ситуацию интервью во дворе и то, как может быть расположен исследовательский инвентарь. Социолог регистрирует основные характеристики информанта в заранее подготовленные бланки. Продемонстрировано, как можно сделать фото без акцента на лице информанта.

Фото 6. Интервью с бывшим работником завода ЗИЛ, основателем онлайн-сообщества о ЗИЛ, в здании КЦ ЗИЛ. Начало полевых работ. Август 2017 г.
Источник: фото А. Ваньке.

Фото 6 показывает, как проходят интервью в местах, отличных от работы и дома (третьи места). Участник принес с собой некоторые документы, связанные с заводом, они лежат справа от него (трудовая книжка и др.). Недавно он нарисовал ментальную карту и в момент фотографирования пытается вспомнить детали района.

Фото 7 показывает, как возможно проводить интервью во дворе дома. Здесь нет стола, но участница легко справляется с заданием и находит

Фото 7. Фрагмент интервью с бывшей работницей КЦ ЗИЛ, рисование ментальной карты района во дворе ее прежнего проживания. Москва, август 2018 г.
Источник: фото А. Ваньке.

Фото 8. После длительного интервью. Семья ветеранов Тушинского машиностроительного завода. Октябрь 2017 г.
Источник: фото А. Стрельниковой.

для себя удобным нарисовать ментальную карту фактически «на коленке». Фотография отчасти показывает, как информант готов к сотрудничеству с исследователями. Это явление можно назвать «эмпатическая кооперация» — взаимный интерес и сотрудничество между информантом и исследователем в ситуации интервью.

Интервью, запечатленное на Фото 8, не было тандемным со стороны исследователей, но под конец стало тандемным со стороны информантов — мужа и жены, всю жизнь проработавших на Тушинском машиностроительном заводе. Общая продолжительность интервью составила более шести часов (и это пока самое длинное интервью в моей практике. — *Прим. А. Стрельниковой*). Конечно, столь продолжительная беседа не могла быть статичной — мы начинали разговор за журнальным столиком в гостиной (в наиболее официальном и «парадном» пространстве квартиры), затем переместились в одну из комнат — рабочий кабинет, где беседа выстраивалась вокруг архивных материалов и фотографий, потом вернулись в гостиную (к этому моменту пришла супруга информанта), и под конец переместились на кухню (в наиболее неформальное пространство «для своих»). Фото 8 сделано в финальной фазе интервью — во время совместного ужина на кухне, и показывает, что к этому моменту исследователя воспринимали уже скорее как друга или родственника. Родственный характер завязавшихся отношений был закреплен вручением на прощанье дачных гостинцев. В целом эффект размывания границ между ролью исследователя и «своего человека» связан не только с продолжительностью интервью — в какой-то мере он присущ биографическому методу в целом.

Анализируя наш опыт фотографирования, подчеркнем, что сбор фотоданных вносит определенные изменения в полевую исследовательскую ситуацию. Практика фотографирования может быть маркером степени доверия между информантом и исследователем. Можно выделить следующие тактики фотоповедения информантов. Во-первых, отказ от съемки: он обычно оговаривался информантом в самом начале при подписании информированного согласия. Отказывались от съемки преимущественно мужчины. Они изначально были слабо представлены в наших выборках и в случае участия были довольно скромны в отношении фото- и видеофиксации. Они далеки от публичности, не понимали смысла съемки и не хотели быть «сфотографированными». В некоторых случаях в процессе интервью они разрешали сделать несколько фото. Вторым, наиболее характерным типом поведения является нейтрализация процесса съемки и желание информанта сделать его органичной частью нашего общения. Предварительно мы оговаривали возможность съемки и в дальнейшем с согласия информанта делали фотографии во время беседы. Обычно это была ситуация тандемных интервью, где второй человек занимается фиксированием происходящего и поддержкой коммуникации. Для нас тактика нейтрализации съемки являлась наиболее подходящей; она позволяла фиксировать само взаимодействие *in vivo* без акцента на процессе фото. Редкими случаями были такие ситуации, как смущение / напряжение от фотосъемки, самолюбование / позирование, а также солидаризация с исследователем.

В ситуации эмпатической кооперации, когда уже установлены доверительные отношения, информант и исследователь действуют сообща, могут обсуждать детали совместной фотографии, варианты композиции; выбирать то, что может быть сфотографировано, просматривать сделанные снимки, обсуждать возможности обмена изображениями через Интернет.

Практика полевого фотографирования, будучи социальным взаимодействием, может раскрывать одну из граней идентичности информанта. Процесс совместного создания визуального нарратива — отбор ракурсов, сюжетов для снимка, — косвенно сообщает нам о свойствах идентичности индивида, его восприятии изучаемой среды. Через артикуляцию процесса съемки мы узнавали об опыте фотографирования, границах публичности, восприятии жизненного пространства, наблюдали и фиксировали телесные практики индивида, их изменение в процессе съемки. Таким образом, фотоданные в полевом исследовании являются не только фактическим, документальным отражением социальной реальности, но и ее динамичной, «проговариваемой» версией (Pink, 2005). Практика фотографирования реконструирует доверие между участниками исследовательской ситуации, одновременно с этим она может быть стимулом для артикуляции свойств идентичности индивида во взаимодействии «информант — исследователь — камера — среда обитания».

Фото 9. Из серии наблюдений в Южном Тушино. Москва, май-июнь 2018 г.
Источник: фото А. Стрельниковой.

Купание и вечерние пикники с кострами — таковы практики использования пространства района Тушино в теплый сезон. Без проведения серии регулярных наблюдений было бы сложно зафиксировать эти неожиданные ситуации непосредственно в жилом районе. Данное фото показывают возможности этнографического кейс-стади, в котором включенное наблюдение проводится в течение длительного времени, а исследователь вживается в жизнь и ритм изучаемой группы людей и той территории, где они проживают. На фото 9, представляющем собой коллаж из двух фото, показаны социальные практики, обычные для местных жителей, но неожиданные для внешнего исследователя, поэтому они были обнаружены в ходе регулярных наблюдений в течение нескольких месяцев.

Следующее фото относится к серии наблюдений в районе вокруг бывшего завода ЗИЛ и застройки жилого комплекса ЗИЛАРТ, к которой принадлежит и новый городской парк «Тюфелева роща». Еще во время строительных работ этот парк стал популярным местом среди горожан. На фото 10 зафиксирована ситуация за несколько дней до официального открытия парка: несмотря на ограждающие ленточки, висящие объявления и расставленных по периметру охранников, многочисленные посетители отвоевали две крайние полянки и продолжали отдыхать. Можно сказать, что данное фото

Фото 10. «Парк закрыт». Москва, Тюфелева роща, июль 2018 г.
 Источник: фото А. Стрельниковой.

(коллаж из двух фото) документирует переход статуса закрытой территории в статус пространства, освоенного новыми акторами (причем это освоение произошло вопреки официальным запретам, наличию ограждений и стройке, ведущейся вокруг). Как и предыдущий снимок, данное фото показывает возможности долгосрочного наблюдения, так как этот символический переход был обнаружен только потому, что исследовательница регулярно приезжала и проводила наблюдения на выбранной территории, т.е. ситуация вряд ли могла быть зафиксирована в случае разового наблюдения. Кроме того, данный вид фотографий показывает, как исследователь интерпретирует материалы включенного наблюдения уже в процессе его описания (Андреев и др., 2018).

По нашему опыту, обращение к фотографиям после завершения полевого сеанса позволяет реконструировать события полевой работы, детализировать описания для исследовательского дневника. Мы довольно часто начинали писать исследовательский дневник после просмотра фотоданных, воспроизводя хронологию и детали событий, как будто заново переживая полевой опыт. Часть наиболее значимых фотографий мы помещали в сам текст дневника. В этом смысле фотоданные являются продуктивной технологией для репрезентации изучаемой реальности (Cruz, Meyer, 2012).

Иногда исследовательские метафоры и значения появлялись сами собой после просмотра фотографий. «Брутализм повсюду! Как же я раньше этого не заметила!» — такие идеи возникли при просмотре визуального ряда изучаемого индустриального района. Таким образом, фотоданные являются как стимулом для анализа и генерации идей, так и самостоятельным источником данных. При более детальном анализе данных мы изучали собранные фото как источник сведений о материальной культуре района, пространственных практиках, идентичностях и эмоциях информантов.

Фотографии, иллюстрирующие «возврат данных в поле»

К этой категории относятся визуальные и текстуальные материалы, демонстрирующие исследовательские результаты широкой аудитории, в их числе — исследовательские выставки с использованием фотографий, цитат из интервью, рисунков информантов, инфографики и образов, созданных дизайнером или художником.

Фото 11. Открытие исследовательской выставки «Уралмаш глазами рабочих» на Битлз-фестивале. Уралмаш, Екатеринбург, май 2018 г.
Источник: фото Л. Петровой.

Практика организации и экспонирования исследовательских выставок нечасто применяется российскими учеными, хотя она и описывается в научной литературе (Воронкова, 2009). По результатам исследовательского проекта «Быт и культура индустриального рабочего» авторы статьи совместно с дизайнером подготовили исследовательскую выставку «Уралмаш глазами рабочих», которая была открыта на уличном фестивале, приуроченном ко Дню района Уралмаш, где годом ранее мы собирали полевые данные (фото 11). Выставка содержала как визуальные, так и текстуальные материалы, представленные в разных жанрах, иногда в комбинированных визуальных формах, например, в виде коллажа, импровизированной карты района, рисунков заводчан, наших полевых фотографий, инфографики и т.д. Выставка открыла перед нами возможность аналитически пересобрать полученные данные в визуальный нарратив и презентовать исследование о районе в публичном пространстве.

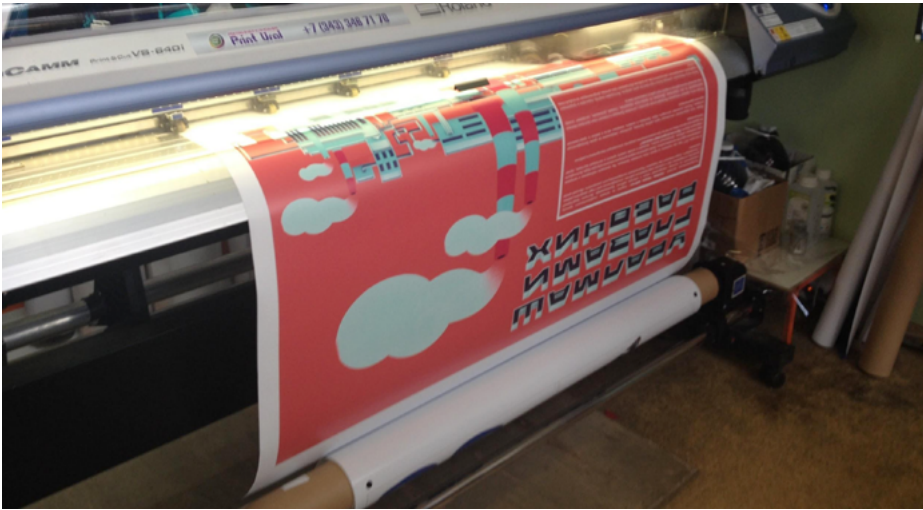
Содержательно выставка состояла из трех взаимосвязанных разделов, описывающих быт и культуру заводских рабочих. Первая часть представляла ментальные карты района Уралмаш, сделанные участниками исследования во время биографических интервью. Рисунки позволили воссоздать

Рисунок 1. Планшет выставки «Уралмаш глазами рабочих» с визуализацией обобщенного образа района, полученного на основе анализа ментальных карт
 Источник: дизайн А. Павлова по техническому заданию, подготовленному авторами статьи.

образ района и выявить значимые места в нем в представлении коренных уралмашевцев. На рис. 1 показан планшет с обобщенным образом Уралмаша, который создан дизайнером на основе нашего подсчета частот повторяющихся элементов в ментальных картах. Так, обобщенный ментальный образ отражает ключевые по значимости объекты района: завод, площадь, трамвайное кольцо и парк около завода, и другие. Вторая часть содержала визуализированные маршруты биографических прогулок с жителями района и отражала опыт пространственных перемещений по его территории. Третья часть показывала культуру быта и пространство дома заводчан. Фотографии квартир, подъездов и придомовых территорий, совмещенные с рассказами о том, как рабочие обустраивают свое жилище, репрезентировали их особый стиль жизни. Видео 1 показывает процесс печати планшетов выставки в типографии в Екатеринбурге, документируя этот этап нашей исследовательской жизни.

Во время открытия выставки одна из авторов статьи совместно со студентами Екатеринбургской академии современного искусства (ЕАСИ) рассказала посетителям о полученных результатах проекта. Визуальные элементы планшетов, последовательно выстроенные в историю нашего изучения района и в историю повседневной жизни в районе, послужили основной и связующей нитью исследовательского нарратива, который удалось озвучить публике. В числе слушателей этого рассказа о нашем исследовании, основанного на изображениях, были школьники, люди старших

Видео 1. Процесс печати планшетов исследовательской выставки в типографии
Источник: видео А. Ваньке.

и средних возрастов, бывшие и нынешние заводчане, жители Уралмаша и других районов Екатеринбурга, которые пришли на уличный фестиваль. Посетители, включая коренных уралмашевцев, смогли ознакомиться с результатами проекта, дать обратную связь и поделиться своими впечатлениями от нее. Фото 11 показывает, каким образом исследовательская выставка может быть размещена в уличном пространстве. Например, при экспонировании выставки на улице планшеты можно разместить на мольбертах, выставленных в один ряд вдоль здания. Расположение выставки при входе в пространство уличного фестиваля позволило привлечь к ней внимание, поскольку проходящие на праздник люди сразу замечали яркие изображения и проявляли к ним интерес. После открытия выставка некоторое время экспонировалась в здании ЕАСИ.

Еще одним способом возвращения данных в изучаемый район стало сотрудничество с музеем в московской школе 830, которая находится недалеко от Тушинского машиностроительного завода (ТМЗ) и завода имени Чернышева. В ходе полевых работ было обнаружено, что школа является одной из важных точек доступа к старожилам района и бывшим заводчанам: они посещают тематические торжественные мероприятия, организуемые школой, а также приводят в школу своих внуков и правнуков. Поэтому инициатива помощи школьному музею Бурана (орбитального корабля, одного из последних и всемирно известных изделий ТМЗ), стала логичным способом возврата материалов району и его жителям (фото 12, 13).⁷

Продумывание стратегии по возвращению данных в поле особенно актуально в современном мире, когда представители изучаемой группы (в том

⁷ Совместная работа директора музея Н. А. Сисоевой и команды студентов под руководством А. Стрельниковой продолжалась в течение нескольких месяцев. Дальнейшие работы ведутся силами сотрудников школы с опорой на подготовленный проект.

Фото 12. Лестница, ведущая к музею орбитального корабля «Буран» в школе 830 г. Москвы (2018 г.)
 Источник: фото А. Стрельниковой.

числе бывшие информанты) могут прийти на научно-популярное и даже научное мероприятие и участвовать в обсуждении результатов, полученных исследователями⁸, могут посещать онлайн-страницу с материалами исследовательского проекта или инициировать диалог в социальных сетях, а также иным образом взаимодействовать с исследователями «вне поля».

Визуальные данные, сопровождающие исследовательский процесс в различных контекстах, являются частью архива полевого исследования и могут послужить иллюстрациями для публикаций и презентаций. Они содержат в себе и символическую информацию, и документальную информацию о действиях (Сергеева, 2008: 144), поэтому могут использоваться не только в аналитических целях. Фотоданные наглядно протоколируют полевые работы, позволяя исследователю восстановить детали описываемых мест, происходящих в них взаимодействий, смыслов действий индивидов. Данные визуального дневника могут служить ориентиром для начинающих

⁸ Подобная ситуация произошла, например, на Апрельской конференции НИУ ВШЭ в 2018 г., когда на мой доклад пришел житель изучаемого района и стал активно дискутировать по поводу полученных результатов (прим. А. Стрельниковой).

Фото 13. Обновленный музей орбитального корабля «Буран» в школе 830 г. Москвы (2018 г.)
Источник: фото Н. Сысоевой.

исследователей, иллюстрируя процесс полевого проекта и способы работы с визуальными данными.

Создание фотонарратива полевого исследования может обладать значительным аналитическим потенциалом. Во-первых, полевая фотосъемка изменяет исследовательскую ситуацию. Практика фотографирования в условиях взаимодействия с информантом реконструирует доверие между участниками исследовательской ситуации, отчасти служит маркером установленного доверия. Одновременно с этим процесс съемки может быть стимулом для артикуляции свойств идентичности индивида во взаимодействии «информант — исследователь — камера — среда обитания». На основе анализа практики фотографирования нами выделен набор тактик фотоповедения информантов — отказа в фотосъемке, нейтрализация, смущение / напряжение, самолюбование / позирование, а также солидаризация с исследователем.

Во-вторых, собранные фотоданные являются незаменимой технологией для репрезентации изучаемой реальности, фиксирования изучаемых явлений — материальной культуры, практик, идентичностей, среды обитания,

телесности. Просмотр собранного фотонарратива является как стимулом для анализа и генерации идей, так и самостоятельным источником данных для анализа и представления результатов в публичном поле (исследовательские выставки, презентации, фильмы, создание музея).

В-третьих, визуальный дневник полевого исследования позволяет детально зафиксировать контекст, в котором собирались материалы (много-слойность доступа в поле, различия в пространствах сбора данных и др.), а значит, способствует пониманию собранных данных и социальных смыслов описываемых явлений.

Литература

Андреев А. Н. и др. Форум: от поля к тексту // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 11–114. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114>.

Богданова Н. М. «Визуальная социология» — новая наука или особый угол зрения? // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 67–79.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямыкова Е. В. Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007.

Ваньке А. В., Полухина Е. В. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2018. Т. 3. № 10. С. 4–34. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34>.

Воронкова Л. «Социологические выставки»: визуальные презентации в социальных науках // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 149–172.

Запорожец О. Визуальная социология: контуры подхода // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. Т. 3. № 4. С. 33–43.

Омельченко Д. А., Поляков С. И. Исследовательская камерой в пространстве медийной публичности: полевой опыт // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 13. С. 73–81.

Печурина А. Матрешки, иконы и Пушкин: личные вещи и культурная идентичность в эмиграции. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 3. С. 199–203.

Полухина Е. В. Уралмаш как район рабочего: методические аспекты применения этнографического кейс-стади // Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов. Материалы международного симпозиума (Екатеринбург, 31 мая — 3 июня 2017 года) / Науч. ред.: Л. Е. Петрова, М. С. Ильченко, А. А. Пронин, И. А. Ахьямова. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. С. 25–37.

Полухина Е. В., Ваньке А. В. Идентичность заводского рабочего в постсоветском контексте: этнографическое кейс-стади района Уралмаш // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 2. С. 237–252. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>.

Рождественская Е. Ю. Анализ фотографии С. Максимишина: объединяя документальный и гештальтистский подходы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 13. С. 44–50.

Сергеева О. В. Исследовательское поле визуальной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 136–146.

Стрельникова А. В. Судьба Бурана в структуре территориальной идентичности района Тушино // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 16. С. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.16.5>.

Стрельникова А. В., Ваньке А. В. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 13. С. 51–72.

Харпер Д. Фотовыявление: истоки, развитие, темы и формы // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 16–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.2.380>.

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: Учебник / Пер. с пол. Н. В. Морозовой; авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М.: Логос, 2007.

Banks M. Using Visual Data in Qualitative Research (2nd ed.). SAGE, 2018. <https://doi.org/10.4135/9781526445933>.

Banks M. Using Visual Data in Qualitative Research. (2nd ed.). SAGE, 2007. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857020260>.

Cruz E. G., Meyer E. T. Creation and Control in the Photographic Process: iPhones and the Emerging Fifth Moment of Photograph // Photographies. 2012. № 5. P. 203–221. DOI: <https://doi.org/10.1080/17540763.2012.702123>.

Eberle T. S. Collecting Images as Data // The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection / Ed. by U. Flick. SAGE Publications Ltd, 2017. P. 392–411. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n25>.

Jacknis I. Margaret Mead and Gregory Bateson in Bali: Their Use of Photography and Film Source // Cultural Anthropology. Vol. 3. № 2. 1988. P. 160–177. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1988.3.2.02a00030>.

Pink S. Doing Visual Ethnography. London: Sage, 2005. <https://doi.org/10.4135/9780857025029>.

Rose G. Visual Methodologies. An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

Strelnikova A. Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities / NRU Higher School of Economics. Series SOC “Sociology”. 2018. № WP BRP 84/SOC/2018. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3301264>.

Дата поступления: 30.08.2019

Visual Diary: How Photos Represent the Context of Field Research

DOI: [10.19181/inter.2020.21.6](https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6)

Elizaveta Polukhina, Anna Strelnikova, Alexandrina Vanke

Polukhina Elizaveta – Candidate of Sociology, Associate professor, HSE University, epolukhina@hse.ru.

Strelnikova Anna – Candidate of Sociology, Associate professor, HSE University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, astrelnikova@hse.ru.

Vanke Alexandrina – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Doctoral student at the Department of Sociology, University of Manchester, a.vanke@postgrad.manchester.ac.uk.

The article addresses the possibility of using visual data in field research. The article is based on the visual data obtained in the frame of the author’s research projects of 2017–2019, aimed at studying everyday life of industrial workers in Yekaterinburg and the transformation of industrial territories in Moscow. The article is the additional visual material to the authors methodological manual “How to Collect Data in the Field [Qualitative] Research”. The authors have shown both the analytical significance of visual materials and their didactic potential.

The article demonstrates how the research practice of photographing is organically integrated into the classical stages of fieldwork — access to the field, data collection, analysis and presentation of the results. At the same time, photographs are the relevant source of data about everyday life of citizens — material culture, spatial practices, emotions, identities. The authors make an attempt to visualize the process of field research, show the process of conducting projects through the photographs and demonstrate the genre of empirical materials as a visual diary.

Keywords: photo data; photo narrative; photography practice; field research; visual data; ethnographic interview; observation; ethnographic case study; visual sociology; visual diary

References

- Andreev A. N. et al. (2018) *Forum. Ot polya k tekstu* [Forum: From fieldwork to written text]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2018. No. 36. P. 11–114. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114>.
- Banks M. (2018) *Using Visual Data in Qualitative Research*. (2nd ed.). SAGE. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526445933>.
- Banks M. (2007) *Using Visual Data in Qualitative Research*. (2nd ed.). SAGE. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857020260>.
- Bogdanova N. M. (2012) “Vizual'naya sociologiya” — novaya nauka ili osobyj ugol zreniya? [“Visual Sociology”: is it a new science or a special point of view]. *Sociologicheskii zhurnal*. № 3. P. 67–79. (In Russ.)
- Cruz E. G., Meyer E. T. (2012) Creation and Control in the Photographic Process: iPhones and the Emerging Fifth Moment of Photography. *Photographies*. No. 5. P. 203–221.
- Eberle T. S. (2017) Collecting Images as Data / In: U. Flick (ed) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. SAGE Publications Ltd. P. 392–411. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n25>.
- Harper D. (2013) Fotovvyavlenie: istoki, razvitie, temy i formy [Photo elicitation: origins, development, topics and forms]. *Sociologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2. P. 16–42. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.2.380>.
- Jacknis I. (1988) Margaret Mead and Gregory Bateson in Bali: Their Use of Photography and Film Source. *Cultural Anthropology*. Vol. 3. No. 2. P. 160–177. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1988.3.2.02a00030>.
- Omelchenko D. A., Polyakov S. I. (2017) Issledovatel' s kameroy v prostranstve mediinoi publichnosti: polevoi opyt [Researcher with a camera in the space of media publicity: fieldwork experience]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. Vol. 9. No. 13. P. 73–81. (In Russ.)
- Pechurina A. (2011) Matreshki, ikony i Pushkin: lichnye veshchi i kul'turnaya identichnost' v emigratsii. Resume [Russian dolls, icons, and Pushkin: practicing cultural identity through material possessions in immigration]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 3. P. 199–203. (In Russ.)
- Pink S. (2005) *Doing Visual Ethnography*. London: Sage. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857025029>.
- Polukhina E. V. (2017) Uralmash kak raion rabocheho: metodicheskie aspekty primeneniya etnograficheskogo keis-stadi [The Uralmash as a worker's neighbourhood: methodical aspects of the ethnographic case-study application] / In: L. E. Petrova, M. S. Ilichenko, A. A. Pronin, I. A. Akh'yamova (eds) *Proekt "Uralmash": kul'turnoe budushchee [post]industrial'nykh gorodov. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (Ekaterinburg, 31 maya — 3 iyunya 2017 goda)* [The project “Uralmash”: cultural future of [post] industrial cities. The proceedings of the international symposium (Yekaterinburg, 31 May — 3 June 2017)]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva. P. 25–37. (In Russ.)
- Polukhina E. V., Vanke A. V. (2019) Identichnost' zavodskogo rabocheho v postsovetskom kontekste: etnograficheskoe keis-stadi raiona Uralmash [The identity of the industrial worker in a post-Soviet context: an ethnographic case study of the Uralmash district]. *Zhurnal issledovaniy social'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 237–252. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>.

Rose G. (2001) *Visual Methodologies. An Introduction to the Interpretation of Visual Materials*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Rozhdestvenskaya E. Y. (2017) Analiz fotografii S. Maksimishina: ob'edinjaja dokumental'nij i geshtaltistskij podhodi [Photo of S. Maksimishin "Ferry through the Irtysh"]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. Vol. 9. No. 13. P. 44–50. (In Russ.)

Sergeeva O. V. (2008) Issledovatel'skoe pole vizual'noi sociologii [The research field of visual sociology]. *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2008. Vol. XI. No. 1. P. 136–146. (In Russ.)

Strelnikova A. (2018) *Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities*. NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology". 2018. No. WP BRP 84/SOC/2018. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3301264>.

Strelnikova A. V. (2018) Sud'ba Burana v strukture territorial'noi identichnosti raiona Tushino [The fate of Soviet space shuttle "Buran" as a part of territorial identity of Tushino neighborhood]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. Vol. 10. No. 16. P. 60–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.16.5>.

Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2017) Polevoe issledovanie industrial'nogo raiona: strategii sbora i analiza vizual'nykh dannykh [Field research of an industrial neighbourhood: the strategies of visual data collection and analysis]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. Vol. 9. No. 13. P. 51–72. (In Russ.)

Sztompka P. (2007) *Vizual'naya sociologiya. Fotografija kak metod issledovaniya: Uchebnik* [Visual Sociology. Photograph as a research method: textbook]. Translated by N. V. Morozova; Avt. vstup. st. N. E. Pokrovskij. M.: Logos, 2007. (In Russ.)

Vanke A. V., Polukhina E. V. (2018) Territorial'naya identichnost' v industrial'nykh raionakh: kul'turnye praktiki zavodskikh rabochikh i deyatelei sovremennogo iskusstva [Territorial Identities in Industrial Neighborhoods: Cultural Practices of Factory Workers and Contemporary Art Communities]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 3. No. 10. P. 4–34. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34>.

Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2019) *Peshekhodnoe interv'yu: struktura i zhanry* ["Go-along" interview: its structure and genres]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4. P. 4–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V., Krutkin V. L. (eds) *Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na social'nuyu real'nost': Sb. nauch. st.* [Visual Anthropology: new views on social reality: a collection of articles] (2007) Saratov: Nauchnaya kniga. (In Russ.)

Voronkova L. (2009) "Sociologicheskie vystavki": vizual'nye prezentatsii v social'nykh naukakh ["Sociological exhibitions": visual presentations in social science] / In: Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. (eds) *Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki* [Visual Anthropology: Tuning the lens. M.: Variant; CSPGI. P. 149–172. (In Russ.)

Zaporozhets O. (2007) Vizual'naya sociologiya: kontury podhoda [Visual Sociology: Contours of the approach]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. Vol. 3. No. 4. P. 33–43. (In Russ.)

Received: 30.08.2019